

В. П. БОГДАНОВ

БЛАГОРОДНОЕ СОСЛОВИЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В. ДВОРЯНСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье показана эволюция дворянского сословия России в XVIII – начале XX века. Автор на основе произведений русской классической литературы приходит к выводу, что высокое положение дворянства в Российской империи держалось на службе. Перестав быть служилым сословием, дворянство потеряло свои позиции в политической, социальной, экономической и культурной сфере. Приводимый материал позволяет по-новому взглянуть на роль Манифеста о вольности дворянской 1762 г. и отмену крепостного права 1861 г. в истории «увядания» дворянского сословия.

Ключевые слова: дворянство, социальная история, русская классическая литература.

Огромная роль, которую играло дворянство в жизни России XVIII – начале XX в., обуславливает постоянный интерес к истории этого сословия со стороны исследователей. Ещё в XVIII в. были предприняты попытки осмыслить положение «благородного сословия» (Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов и др.). В XIX в. работы носили описательный характер¹; наибольшие успехи были достигнуты в области генеалогии дворянства. В советское время, несмотря на идеологическое неприятие, был выпущен ряд работ, рассматривающих роль дворянства в государственной², экономической³ и культурной⁴ жизни страны. За столетия изучения судеб дворянства в России в научный оборот введён массивный источниковый фонд, от нарративных текстов XV–XVI вв. (летописей, родословцев и др.), до различных делопроизводственных комплексов XIX – начала XX в. Однако (как, впрочем, и для других тем) в оборот практически не введены художественные произведения, хотя привлечение литературы в качестве исторического источника – проблема, поставленная в историографии давно. Ещё В.О. Ключевский рассматривал героев комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» и романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» как исторические типы⁵. Поскольку до Октябрьской революции (а в значительной степени даже в советское время) литература совмещала в себе функции и

¹ Яблочков. 1876.

² Соловьев. 1973; Троицкий. 1974; Зайончковский. 1978; и др.

³ Ковальченко, Селунская, Литваков. 1982; и др.

⁴ Лотман. 2002; и др.

⁵ Статья «Евгений Онегин и его предки» была напечатана в журнале «Русская мысль» в 1887 г. (№ 2), статья «Недоросль Фонвизина (опыт исторического объяснения учебной пьесы)» в журнале «Искусство и наука» за 1896 г. (№ 1).

философии, и гуманитарного знания вообще, осуществляла образно-эстетическое отражение действительности и познание её⁶, то в настоящее время она довольно успешно привлекается как источник по истории мировоззрения и идейно-общественной борьбе⁷. Использование литературных произведений в качестве источников по социальной истории ведётся не столь интенсивно. Только яркие литературные образы купечества (положительные и негативные) привлекали историков и публицистов и до революции⁸, и в настоящее время⁹. Другие сословия, в том числе и дворянство, редко становятся объектом исторических исследований; исключение составляет монография Ю.А. Федосюка¹⁰.

Отличие дворянства от других сословий образно определено М.Е. Салтыковым-Щедриним в «Пошехонской старине» (1887–89 гг.):

– Какая главная привилегия дворянина?

– Главная и единственная: не бей меня в рыло. Затем прочие подразумеваются сами собой. [Пошехонская старина. XXVI].

В значительной степени такое положение обеспечивалось «благородством происхождения»¹¹. Представители других сословий в лучшем случае вспоминают своих дедов: герой тургеневских «Отцов и детей» Базаров, хотя и принадлежит к выслужившемуся дворянству, но больше отождествляет себя с крестьянами и говорит, что его *дед* «землю пахал». Дворяне (и русская литература это прекрасно показывает) гордились древностью своего рода. Старый князь Болконский у себя в кабинете держит родословное древо и портрет легендарного предка семьи – потомка Рюрика. Нередко семейные легенды мало правдоподобны. Например, герой повести «Степной король Лир» рассказывает, что: «Наш род от вшеда (он так выговаривал шведа)... Харлуса ведётся, ... в княжение Ивана Васильевича Тёмного... приехал в Россию; и не пожелал тот вшед Харлус быть чухонским графом, а пожелал быть российским дворянином и в золотую книгу записался» [Тургенев И.С. Степной король Лир. 1]. А у героя «Вишневого сада» Семёнова-Пищика род вообще происходил от коня, которого Калигула ввёл в сенат [Черхов А.П. Вишневый сад. III]!

⁶ Зарубина. 2003. С. 101.

⁷ Старыгина. 2003; Никольский, Филимонов. 2008; и др.

⁸ Берлин. 1913.

⁹ Пименов. 2002; Левандовская, Левандовский. 2002; Зарубина. 2003.

¹⁰ Федосюк, 2001.

¹¹ Об этом подробнее см.: Осовская. 1987; Зарубина. 2003. С. 102-103.

В силу своей замкнутости и малочисленности, русское дворянство более чем какая-либо другая категория населения подпадала под определение «сословия»¹². Впрочем, «благородство происхождения» (действительное или вымышленное), замкнутость и малочисленность не делало дворянство однородным.

Во-первых, следует отметить многонациональность русского дворянства. Так в рассказе «Однодворец Овсянников» (1847) И.С. Тургенева упомянут помещик Франц Иванович Лежён – уроженец Орлеана, попавший в Россию в составе наполеоновской армии. Явный сарказм по поводу происхождения некоторых дворянских родов можно увидеть в рассказе «Дикий помещик» (1869) М.Е. Салтыкова-Щедрина: «да не скажет никто, что российский дворянин, князь Урус-Кучум-Кильдибаев (явный намёк на князей Урусовых, Кучумовых и др. татарские роды – В.Б.), от принципов своих отошёл!» На не совсем российское происхождение указывает и фамилия тургеневского Чертопханова. Особенно много в литературе фигурирует «отзейских немцев», таких как фон Дидериц (переделанный в России в «Дрыдырица» – муж чеховской «дамы с собачкой»), или горьковский Барон из пьесы «На дне». Наиболее полно описанный в литературе образ «отзейского немца» – граф Функендорф, персонаж «Захудалого рода» (1874 г.) Н.С. Лескова.

Во-вторых, довольно чёткая грань (прежде всего в образе жизни) лежит между провинциальным и столичным дворянством. Если в городах дворяне занимаются службой или поглощены «благородной праздностью» (это ещё одна сторона рыцарского этиоса, выделенная М. Оссовской) – недаром салон А.П. Шерер сравнивается с прядильной мастерской, в которой «веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели» [Толстой Л.Н. Война и мир. Т. I. Ч. 1. Гл. 3], – то в деревне жизнь течёт спокойно. Современник Шерер, дядя Онегина «лет сорок с **ключницей бранился**, в окно смотрел и мух давил...» [Пушкин А.С. Евгений Онегин. II, 3]. Если дворянская барышня слишком увлекается бурной светской жизнью, то её могут отправить: «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» [Грибоедов А.С. Горе от ума. I, 4]. Русское провинциальное дворянство на рубеже XVIII–XIX вв. даже не всегда было грамотным. В повести Тургенева «Степной король Лир» всячески подчёркивается, что главный герой, помещик Харлов, с трудом читает и пишет¹³, а заявления, что не было Ивана Васильевича Тёмного, а был либо Василий Васильевич Тёмный или Иван Васильевич Грозный, на него не действовали.

¹² Миронов. 1999. Т. 1. С. 82–98.

¹³ Проблема неграмотности дворянства см.: Миронов. 2010. С. 651–652.

Согласно Салтыкову-Щедрину в Пошехоньи в первой половине XIX в. «образовательный уровень помещичьей среды был еще менее высок, нежели материальный. Только один помещик мог похвалиться университетским образованием, да двое... получили довольно сносное домашнее воспитание...» [*Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. XXVI].

Провинциальные дворяне в своём быту нередко смыкаются с крестьянами. Если в XVIII в. деревенские помещики по большей части весьма близки «с своей прислугой и нравами и образованием» [*Аксаков С.Т.* Семейная хроника. III], то и в XIX в. «разница между дворянами и дворовыми так же мала, как между их названиями» [*Герцен А.И.* Былое и думы. I, 2]. При этом традиционный быт провинциального дворянства воспринимался современниками как уходящая черта. Недаром Н.В. Гоголь одну из повестей сборника «Миргород» назвал «*Старосветские (курсив мой – В.Б.) помещики*». Подобный тип существует и во второй половине XIX в. Так, о матери Базарова, потомственной дворянке, И.С. Тургенев пишет, что она «была настоящая русская дворяночка прежнего времени; ей бы следовало жить лет за двести, в старомосковские времена..., была очень набожна и чувствительна, верила во всевозможные приметы, гаданья, заговоры, сны; верила в юродивых, в домовых, в леших, в дурные встречи, в порчу, в народные лекарства, в четверговую соль, в скорый конец света...» и т.д. «[Подобные женщины теперь уже переводятся!]» [*Тургенев И. С.* Отцы и дети. 21, конец].

Третье различие – имущественное. Здесь можно вспомнить героев повести А.С. Пушкина «Дубровский», действие которой происходит в 1820-е гг., «старинного русского барина», генерал-аншефа К.П. Троекурова и его друга поручика А.Г. Дубровского. Дубровский так отозвался о псарне Троекурова: «псарня чудная, вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам». При этом один из псарей заметил: «Мы на свое житье... благодаря бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее». При этом «Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа, а гости вслед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаля могла отнестися и к ним» [*Пушкин А. С.* Дубровский. I, 1; курсив мой – В.Б.]. Между богатыми и бедными дворянами нередко устанавливаются патерналистские отношения, и бедные соседи явно заискивают перед Троекуровым. «Самые мелкотравчатые» помещики, которые «не успевали сводить концы с концами искали подспорья в том, что перекочевывали с детьми от одних соседей к другим, играя незавидную роль буфонов и приживальцев» [*Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская

старина. XXVI]. Вспомним, что в 1859 г. (когда начинается действие романа «Отцы и дети»), у помещицы Одинцовой проживает дальняя родственница, княжна, владевшая всего одним крепостным. «Для ради важности держат, потому что княжеское отродье», – думал про неё Базаров [Тургенев И.С. Отцы и дети. XVI]. Здесь же можно вспомнить Телегина-Вафлю – персонажа «Дяди Вани» (1896 г.) А.П. Чехова – у чьего дяди Войничские купили имение, в котором он теперь «правая рука» (как называет его Соня) не то на кухне, не то во дворе.

Четвёртое, и самое сильное различие – между потомственными дворянами и дворянами, выслужившимися или получившими его за коммерческую деятельность. Какой-нибудь Акакий Акакиевич Башмачкин Н.В. Гоголя по Табели о рангах, имеющий право на личное дворянство, стоит неизмеримо ниже по социальной лестнице, нежели *значительное лицо*. Инкорпорация «выслужившихся» в дворянское сословие проходила трудно. Герой «Семейной хроники» С.Т. Аксакова, столбовой дворянин С.М. Багров (хотя не состоящий на службе и даже далеко не самый богатый) с явной осторожностью относится к выбору своего сына, собравшегося жениться на дочери выслужившегося чиновника – коллежского советника, товарища наместника губернии Н.С. Зубина. Павел Петрович Кирсанов не воспринимает Базарова как равного себе, хотя отец последнего, полковой врач, имеет право на дворянство по ордену и чину (т.е. сам Базаров дворянин во втором поколении). Семья Приваловых (из «Приваловских миллионов Д.Н. Мамина-Сибиряка»), видимо, получила дворянство за промышленную деятельность на Урале. Однако, в отличие от своих исторических прототипов Демидовых, Строгановых и др., так и не смогла стать «своей» в благородном сословии. Показателем этого может служить тот факт, что отец и сын Приваловы женятся на представительницах «неблагородных» уральских промышленных семей.

Потомственные дворяне, титулованные и нетитулованные, провинциальные и столичные – один большой коллектив родственников, державших в своих руках все сферы жизни российского общества в течение нескольких столетий. Уже давно стала хрестоматийной фраза Фамусова:

Нет! Я перед роднёй, где встретится, ползком;
 Сыщу её на дне морском,
 При мне служащие чужие очень редки;
 Всё больше сестрины, свояченицы детки...
 ...Как станешь представлять к крестичку ли, к местечку,
 Ну как не порадеть родному человечку!

[Грибоедов А. С. Горе от ума. I, 4].

Эти строки считаются яркой иллюстрацией семейственности чиновного дворянского мира первой четверти XIX в. Но положение мало изменилось к концу века. Уместно вспомнить связь карьеры Стивы Облонского с тем кругом, в котором он родился и вырос: «Место это [начальника одного из присутственных мест] он получил через мужа сестры Анны, Алексея Александровича Каренина... Половина Москвы и Петербурга была родня и знакомые Степана Аркадьевича. Он родился в среде тех людей, которые были и стали сильными мира сего. Одна треть государственных людей, стариков, были приятелями его отца и знали его в рубашке; другая треть были с ним на «ты», а третья треть были хорошие знакомые; следовательно, раздаватели земных благ в виде мест, аренд, концессий и тому подобного все были ему приятели... Ему бы смешно показалось, если б ему сказали, что он не получит места с тем жалованием, которое ему было нужно...» [*Толстой Л.Н.* Анна Каренина. Т. I, Ч. 1, гл. 5]. В самом конце столетия семейство Гаевых-Раневских рассчитывает на финансовую помощь своей ярославской тетушки-графини... Провинциальное дворянство, периодически отправлявшее в столицы и крупные города искателей счастья (которые очень часто добивались заметных успехов) рассчитывало, в первую очередь, на родственные связи. В конце 1770-х гг. провинциальный помещик С.М. Багров определил своего сына Алексея в Верхний земской суд в Оренбурге [*Аксаков С.Т.* Семейная хроника. Отр. 3], где он женился и обзавёлся домом. Через тридцать лет, в начале 1820-х гг. герой гончаровской «Обыкновенной истории» Петр Адуев покинул родное имение и вполне успешно обосновался в столице. Его, конечно, донимали надоедливые родственники и знакомые по провинциальной молодости, и он старался избегать общения с ними. Но вот, как и он 17 лет назад, в столицу приезжает его племянник Александр... [*Гончаров И.А.* Обыкновенная история. Ч. I, 2].

Юридически дворянство до 1762 г. – служилое сословие. Причём высшая доблесть – служба военная. Отец Стародума, героя «Недоросли», служил Петру Великому «в военной службе», в те времена, когда «придворные были воины, да воины не были придворные». Когда некий молодой граф, с началом очередной войны стал «искать возможности не идти на неё», он заслужил презрение Стародума [*Фонвизин Д.И.* Недоросль. III, 1]. В середине XVIII в. «дворяне долго служили в солдатском и унтер-офицерском звании, если не проходили их в колыбели и не падали всем на голову из сержантов гвардии в капитаны в армейские полки» [*Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова внука. Отр. 1]. Кстати, это указание С.Т. Аксакова разбивает обыденные представления, что в XVIII в. дворяне служили только офицерами.

Даже после указа о вольности дворянства, как показано в историографии многие представители благородного сословия продолжали оставаться на службе. Если советская историография идею службы низвела до материальных предпосылок¹⁴, то художественная литература показывает принципиально иную мотивацию. Вряд ли служба фонвизинского Милона, героя «Капитанской дочки» Петруши Гринёва мотивировалась жадной властью или необходимостью дополнительного денежного дохода. Просто новое поколение формировалось под влиянием предыдущего, чьё детство и юность пришлось если не на петровское царствование, то на время, когда его идеи ещё были живы. Дворянство по-прежнему считало своим *долгом* хоть какую-то часть жизни отдать службе. Отец Петруши Гринёва записывает своего сына в полк, а не в гвардию: «...пускай *послужит* (выделение наше –Авт.) он в армии..., да понюхает пороху, да будет солдат...» [Пушкин А.С. Капитанская дочка. Гл. 1]. Ровесником Митрофанушки и молодого Гринёва следует считать и отца князя Андрея, генерала Николая Болконского, из «Войны и мира» Л.Н. Толстого. Провожая сына на войну, он говорит: «...Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне старику, больно будет... А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно!» [Толстой Л.Н. Война и мир. Т. I. Ч. 1, гл. 25]. Т.е. он и такие, как он, считали службу первой обязанностью дворянина и ради блага государства готовы были жертвовать собой и тем, что им дорого; отдавали своих детей на службу своей стране и государю.

Но уже через поколение указ 1762 г. привёл к появлению заметной категории не служащих дворян. По замыслу правительства это постановление указывало новое направление службы – хозяйственную деятельность. В 1797 г. (видимо, ещё достаточно молодым человеком) вышел в отставку и герой «Барышни-крестьянки» Пушкина И.П. Берестов, который «выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, устроил доходы...». Бросается в глаза то обстоятельство, что в имении Берестова есть фабрика – перед нами капитализирующийся помещик. Внешне на капиталистический лад устроено хозяйство и его ближайшего соседа Г.И. Муромского, который завёл у себя «английский сад», «поля свои обрабатывал по английской методе». Но, как известно, «на чужой манер хлеб русский не родится». Оба так поглощены хозяйственными заботами, что не видят в службе особой необходимости. Старший Берестов даже удерживает сына, окончившего университет, от поступления на военную службу и тот вынужден стать сельским барином.

¹⁴ Троицкий, 1974. с. 253

На деле указ 1762 года способствовал развитию у дворянства «паразитического» образа жизни. Как иронично показал Фонвизин, некоторые дворяне удивлялись, что «Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?» [Фонвизин Д.И. Недоросль. V, 4]. Примечательно, что вскоре после его введения (в 1765 г.) состоялся процесс над знаменитой «Салтычихой» – Д.Н. Салтыковой, собственноручно замучившей 139 крепостных¹⁵. Впрочем, и саму мадам Простакову за жестокость постигло наказание: имение было передано в опеку.

Уже поколение детей Митрофанушки, Гринёва, старого Болконского не едино в отношении службы. Например, князь Андрей Болконский несмотря на все разочарования, не видит себя вне службы. Он поступает в комитет Сперанского, а до этого занимается хозяйством, видя в этом тоже своего рода служение, и, один из первых, переводит крестьян в «вольные хлебопашцы». Но неслужилых дворян в поколении князя Андрея значительно больше, чем в поколении его отца. Не служит Пьер Безухов; Анатолий Курагин только «числится где-то», что вызывает смех у старого «служаки» князя Николая Болконского. По сути дела не служащие дворяне – все, к кому заезжал в поисках «мертвых душ» Чичиков¹⁶, лишь Манилов был на службе.

В хозяйственном плане поколение помещиков «Мёртвых душ» тоже не однородно. В «дубинноголовая» Коробочка, и «кулак» Собакевич, и даже «прореха на человечестве» Плюшкин, и Костанжогло в той или иной степени заняты хозяйством. Манилов, Ноздрёв, Тентетников – нет. Кстати, над этим поколением, вскоре после войны 1812 г., нависает угроза разорения. Как пишет Н.С. Лесков об этом времени, «помещики средней руки охотно должны и жили не по средствам. Непривычные к расплатам, эти новые аристократы... брали займы, мало думая, или, лучше сказать, совсем не думая, об отдаче» [Лесков Н.С. Захудалый род. II, 4]. Отец Онегина (если сам Онегин родился ок. 1795 г., то отец – ок. 1770 г) тоже «земли отдавал в залог»¹⁷. Муромский первым из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский Совет. Начиная заново свою карьеру, Чичиков именно в Опекунском совете узнает о возможности махинации с мёртвыми душами. Кстати, в

¹⁵ Дворянские роды... 1995. С. 213.

¹⁶ В обыденном представлении Гоголь изображает «николаевскую Россию». Но в тексте есть постоянные упоминания, что действие происходит «вскоре после изгнания французов», а самого героя некоторые принимают за сбежавшего с о. Св. Елены Наполеона, умершего в 1821 г.

¹⁷ О внутренней хронологии романа см.: Лотман. 2003. С. 481-484.

конце 1810-х гг. появляется значительная категория дворян, которые превращаются в «рыцарей наживы» (и это не только гоголевский Чичиков)... Уже это поколение дворян столкнулось с «диффузией сословий»: «обеднявшие дворяне шли в приказные; состоятельные приказные опять поднимались в дворяне: богатые сыновья прасолов и откупщиков ездили куролесить в Грузию, где дебоширили во всю ширину русской природы и вывозили себе оттуда ассессорство, дававшее право на дворянство. Российское дворянство в одно и то же время и росло, и цвело, собиралось колоситься, и... уже вяло» [Лесков Н.С. Захудалый род. II, 4].

Из представителей этого поколения наиболее занят «благородной праздностью», живёт насыщенной духовной жизнью Пьер Безухов. Он говорит князю Андрею: «труд физический для него [для крестьянина] есть такая же необходимость, такое же условие его существования, как для тебя и для меня труд умственный. ...Я ложусь спать в третьем часу... не сплю до утра оттого, что я думаю и не могу не думать, как он не может не пахать, не косить... Как я не перенесу его страшного физического труда, а умру через неделю, так он не перенесет моей физической праздности, он растолстеет и умрет» [Толстой Л.Н. Война и мир. Т. II. Ч. 2, гл. 11]. Недаром Толстой пытается сделать из Пьера прообраз декабриста¹⁸. Из персонажей «Мёртвых душ» только Манилов живёт духовной жизнью, хотя единственная читаемая им книга два года лежит заложенной на 14-й странице. Заключительная глава 1-го тома содержит притчу о дворянине Кифе Мокиевиче, который настолько занят интеллектуальными упражнениями, что даже не занимается воспитанием Мокія Кифовича. А вот и предмет его рассуждений: «Вот, например, зверь, – говорил он, ходя по комнате, – зверь родится нагишом. Почему же именно нагишом? Почему не так, как птица; почему не вылупливается из яйца? ...Совсем не поймешь природы, как побольше в нее углубишься». Как пишет Н.С. Лесков, в это время дворянство «занималось вольтеранизмом, мистицизмом...» [Лесков Н.С. Захудалый род. II, 4]. Увлечение мистицизмом после Отечественной войны 1812 г. (в частности исканиями кружка Татариновой) семьи Луповицких описана в начале романа Мельникова-Печерского [Мельников-Печерский П.И. На горах. III, 1].

Представители этого поколения, ощущая всю неправильность устройства окружающего мира, больше размышляют над ним, чем предлагают конкретные пути решения; все их искания не приводят к каким-

¹⁸ Е.Н. Цимбаева убедительно доказала, что образ Пьера не историчен [Цимбаева, 2005. С. 84-90]. Разделяя мнение исследователя, что Безухов вряд ли мог стать декабристом, считаем вполне вероятным, что образ Пьера вполне отражает духовные искания поколения, родившихся в 1770–1780-х гг.

либо результатам. Думается, в этом и заключается историческая трагедия декабризма.

На смену князю Андрею и Пьеру, гоголевским помещикам и пушкинским Муромскому и Берестову, приходит новое поколение – поколение самих Пушкина и Гоголя, т.е. людей, родившихся в самом конце XVIII – начале XIX в. Это и Евгений Онегин, и вся молодёжь романа, Дубровский, Печорин, Петр Адуев, их более молодые сверстники братья Николай и Павел Петровичи Кирсановы. В этом поколении уже мало тех, кто занят службой. На службе состоит Г.А. Печорин (впрочем, автор ни разу не показывает его «в деле»), да старший Адуев. Онегин, открывший галерею лишних людей, не служит. Дубровский рано выходит в отставку... Из детей генерала, участника войны 1812 г. Кирсанова, в молодости служил только Павел Петрович, но ко времени действия романа, т.е. к 20 мая 1859 года, он уже много лет в отставке. Про Николая Петровича известно, что он окончил университет со званием кандидата, но как сложилась его карьера неизвестно.

Представители данного поколения мало занимаются и хозяйством. Исключение составляет, пожалуй, только старший Адуев, чья хозяйственная деятельность нетипична: продав своё имение [Гончаров И.А. Обыкновенная история. 2], он стал владельцем стеклянного и фарфорового завода на паях с двумя компаньонами, т.е. перед нами тип совершенно капитализировавшегося русского дворянина конца 1830-х годов. Его современники совсем иные. Онегин, получив дядюшкино наследство и заменив «ярем барщины старинной» лёгким оброком (также поступил и пушкинский литератор Белкин), вряд ли заделался рачительным хозяином. Хозяйственной деятельности Дубровского не суждено было сбыться (имение перешло к Троекурову¹⁹). Если Николай Петрович Кирсанов пытается ещё исполнять обязанности «хозяина», предусмотренные Указом о вольности дворянства, то Павел Петрович совершенно отошёл от дел.

Духовная жизнь этого поколения значительно богаче и разнообразнее, чем у их предшественников. Его старший представитель, Чацкий, как известно, ездил за границу «ума искать», Ленский учился в Геттингене. На их долю выпала пора религиозных и философских исканий 1830–1840-х гг. Об увлечении немецкой философией говорит чет-

¹⁹ В основу повести легла история белорусского помещика Островского, доведенного до нищеты богатым соседом; он был выгнан с крестьянами из своего имения, после чего «стал грабить, сначала подьячих, потом и других» [Добин, 1990. С. 113]. Видимо, случаи изгнания бедных дворян из своих имений имели место. Насколько типичным был разбой, литература не показывает. Хотя известен ещё один благородный разбойник –гоголевский капитан Копейкин...

веростишие, приписываемое либо А. Жемчужникову (1821–1908), либо К. Аксакову (1817–1860):

В тарангасе, телеге ли
Еду ночью из Брянска я.
Все о нем, все о Гегеле
Моя дума дворянская.

Это время споров западников и славянофилов. Славянофильские пристрастия русских дворян нередко выглядели комично. Олдоворец Овсянников, герой одноимённой повести из «Записок охотника» Тургенева так описывает своего соседа: «Ходит барин в плисовых панталонах, словно кучер, а сапожки обул с оторочкой; рубаху красную надел и кафтан тоже кучерской; бороду отпустил... и лицо такое мудреное, – пьян, не пьян, а и не в своем уме. ...И ведь вот опять что удивления достойно: и кланяется им барин, и смотрит приветливо, – а животы у них от страху так и подводит».

Нельзя не вспомнить и религиозных исканий русского общества этого времени. Духовные поиски приводят Лизу Калитину, героиню тургеневского «Дворянского гнезда», действие которого протекает в начале 1840-х гг., в монастырь. Духовные искания княгини Р. разбила сердце П.П. Кирсанова... Судя по тому, что на перстне со сфинксом, некогда подаренном ей, она изобразила крест и вернула подарок со словами «Крест – вот разгадка», это тоже поиск себя в религии.

О детях Онегина и Печорина ничего не известно. Судя по всему, их и не могло быть. Лишние люди не могут быть обременены счастливыми узами семьи. Впрочем, у Н. П. Кирсанова имеется сын Аркадий, чьего возвращения он ждал в самом начале романа. Судя по всему, он женится и продолжит династию помещиков Кирсановых. У него есть интересный сверстник – толстовский Каренин. Он представитель потомственного чиновничества и не принадлежит к родовитому барству, его отношение к службе вызывает некоторую иронию со стороны общества. Если он всецело поглощён службой и собственной карьерой, то его коллеги из числа родовитых дворян, например, тот же Стива Облонский, к службе относятся достаточно равнодушно. Братья Левины и их единоутробный брат Кознышев тоже не служат. Если «благородная праздность» Кознышева привела к занятию философией и литературой, а Константин Левин занят хозяйством, то третий брат просто прожигает жизнь. Хозяйственная деятельность Облонского более чем неудачна: его на каждом шагу обманывают. Поэтому он решает поправить своё положение поиском более доходного места и уходит «в коммерцию», становясь членом от комиссии соединенного агентства кредитно-взаимного баланса южно-железных

дорог и банковых учреждений, и первым из семьи перестал «служить правительству».

В середине века (а именно на это время падает становление данного поколения) дворянство теряет свою монополию на образование. Закончивший университет Базаров демонстративно называет себя «Евгений Васильев», а не «Евгений Васильевич» (употребление суффикса «вич» – признак знатного происхождения) [Тургенев И.С. Отцы и дети. 2] и говорит, что «мой дед землю пахал» [Отцы и дети. 10]. Тем самым он показывает, что не стремится быть дворянином, а своим поведением и конкретной помощью людям (он врач) демонстрирует, что в историческом смысле он выше любого дворянина. В свою очередь, некоторые потомственные дворяне из этого поколения (в лице, в первую очередь, Левина), стараются отгородиться от представителей других сословий:

– Какой ты, однако, ретроград! А слияние сословий? – сказал Облонский.

– Кому приятно сливаться – на здоровье, а мне противно... [Толстой Л.Н. Анна Каренина. I, 17].

Но историческая участь дворянства уже предрешена: «Мы прочитали Дворянское гнездо и Обломова... Обе эти пьесы – похоронные песни: в одной отпелся известный житейский порядок, в другой – общественный тип. С Лизой Калитиной, уходившей в монастырь, отрекались от мира чувства и отношения известной дворянской среды, жертвой которых пала отшельница, в лице Обломова, кашляя и кряхтя, лез умирать на печку последний наиболее беспомощный питомец и представитель этих прежних чувств и отношений»²⁰.

Следующее поколение – это поколение Паратова из «Бесприданницы» Островского, Палтусов из «Китай-города» Боборькина, Привалова из «Приваловских миллионов» Мамина-Сибиряка, и, видимо, Гаева из «Вишневого сада». Служил из них только Палтусов, который вернулся с русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Все они судорожно пытаются заниматься хозяйством. Гаев, проевший «состояние на леденцах», к этому хронически не склонен: осознавая всю тяжесть своего положения, он придумывает разного рода проекты, которые не торопится претворять в жизнь. Гаев – духовный преемник П.П. Кирсанова: живёт привычками, называет себя «человеком восьмидесятых годов», говорит, что за свои убеждения пострадал «немало в жизни», думает, что понимает мужика, клянётся, что сделает всё, чтобы не допустить продажи имения и... ничего не делает. Палтусов и Паратов, видимо, тоже не

²⁰ Ключевский. 1990. С. 411.

очень успешны. Палтусов оказывается замешан в аферу, а Паратов, видимо, прокутился. «От приваловских миллионов даже дыму не осталось...» [*Мамин-Сибиряк Д.Н.* Приваловские миллионы. V, 18]. От разорения и позора всех троих спасает выгодная женитьба. Палтусов, за которого выходит замуж купчиха Станицына, как бы капитулирует перед предпринимательским сословием. Об избраннице Паратова ничего неизвестно, кроме того, что с ней он берёт в приданое золотые прииски [*Островский А.Н.* Бесприданница. V, 6]. Привалов женится на дочери золотопромышленника (при том старообрядца!) Бахарева... Так что упрёк Гаева в отношении сестры, что она вышла замуж за недворянина [*Чехов А.П.* Вишнёвый сад. I., кон.] к концу XIX в. звучит комично. «Слияние сословий», о котором говорил Стива Облонский, к концу века, при новом поколении ещё более очевидно.

Монополия на образование и научную деятельность дворянами этого поколения утрачена окончательно. Так, дворянин Пирожков, присутствующий на защите диссертации представителем купечества, возмущается: «Магистрант – из купцов... Дворяне, культурные люди, люди расы, с другим содержанием мозга, – и не могут стряхнуть с себя презренной инертности, а тут тятенька торговал рыбой..., а сынок пишет монографию о средневековых ценах, или об учении Гуго Гроция» [*Боборыкин П.Д.* Китай-город. V.13]. Похоже, что только в 1870-х гг. дворянство заметило, что его потеснила в общественной жизни предпринимательская элита.

В начале XX века судьба дворянских гнёзд решена. Так Тихон Ильич Красов, герой бунинской «Деревни», написанной в 1909 г., «доконал» потомка обнищавших Дурново», и «мужики так и ахнули от гордости, когда взял он Дурновское имение: ведь чуть не вся Дурновка состоит из Красовых» [*Бунин И.А.* Деревня. 1, начало]. Своего рода конечная точка деклассирования дворянства – горьковский Барон из пьесы «На Дне»²¹.

Только в образе жизни на рубеже веков дворянство сохранило свои позиции. Дворянский мир притягивал представителей других сословий. Героиня «Китай-города», дочь генерала, представительница обедневшей дворянской семьи, не прикладывая никаких усилий, просто живя и заботясь об окружающих, покорила сердце предпринимателя Рубцова. Лопухин не женится на Варе, потому что любит Раневскую. Он и Петя Трофимов постоянно бывают в усадьбе, потому, что она притягивает и манит их. То же можно сказать и о героях «Гранатового браслета» (1911 г.)

²¹ Примечательно: в 1887 г. в Москве было выявлено 9170 человек в ночлежках, из них оказалось 497 дворян. См.: В Комиссию..., 1887. С. 23.

А.И. Куприна (любовь телеграфиста Желткова к княгине Вере Шеиной²²) или «Анны Снегиной» (1925 г.) Е.А. Есенина (любовь крестьянского сына к молодой помещице). И хотя дворянство уходит с исторической сцены, усадьбы уступают место дачам, мир дворянских гнезд продолжает волновать сердца даже тех, кто их невольно уничтожает.

Перед нами эволюция дворянского сословия. Общим местом и в публицистике и в историографии стало утверждение, что закат дворянского сословия был вызван процессами активной капитализации русской экономической жизни, начиная со второй половины XVIII в., а с отменой крепостного права в 1861 г. потеря дворянством первенства в общественной и экономической жизни была уже необратима. Мол, дворянство не могло приспособиться к новым условиям капитализирующегося общества и вести хозяйство по-новому. Видимо, эта идея берёт начало ещё с передовых статей М.Н. Каткова, писавшего, что дворянство в пореформенной России перестало «быть в государстве тою громадною силой, какою оно было при крепостном праве»²³. Подхвачена эта идея и в классических работах советских историков²⁴. Произведения литературы подтверждают эти выводы. Например, в романе П.Д. Боборыкина «Китай-город», действие которого происходит в конце 1870-х, описывает потерю социального статуса семьей Долгушиных: «...обеда на двадцать человек, игра, туалеты и мотовство детей, четырнадцать лошадей на конюшне. Все это держалось до эманципации и разом рухнуло... Крестьянский выкуп пошел на долги. Земля осталась кое-какая... и ту продали» [Боборыкин П.Д. Китай-город. III. 6] При этом литературные произведения показывают и другую сторону рассматриваемого процесса. В том же романе Боборыкина показано, что крестьянская реформа предоставляла и значительные выгоды дворянству: «До эмансипации... десятина в моих местах пятьдесят рублей была, а теперь она сто и сто десять. Аренда... вдвое выше... Я ничего не потерял! Ни одного вершка. А доходы больше. Хозяйство я бросил... Зато рента стала вдвое, втрое» [Боборыкин П.Д. Китай-город. III. 19], но лишь немногие смогли ими воспользоваться.

Более того, бросается в глаза тот факт, что большинство дворян уже не вели хозяйство не только по-новому, но и по-старому. Фирс в «Вишнёвом саде» открывает глаза своим господам, что в «прежнее время...

²² Это тем более показательно, что в основу сюжета легла действительная история [Добин, 1990. С. 162-174].

²³ См., например: Катков, 1898. с. 26.

²⁴ См., например: Соловьев, 1973.

вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало... сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было!» [Чехов А.П. Вишневы сад. I]. Теперь рецепт забыт и даже вишнёвые деревья не плодоносят. Хозяйственная деятельность (пусть и основанная на старых источниках дохода) Гаевых-Раневских – дело прошлого. Раневская живёт в Париже, «сорит деньгами», а Гаев «проедает состояние». Дело в инертности, свойственной на рубеже веков этому сословию. Левин рисует безотрадную картину обеднения дворянства в силу каких-то иррациональных причин: «Мне досадно и обидно видеть это со всех сторон совершающееся обеднение дворянства, к которому я принадлежу, и, несмотря на слияние сословий, очень рад, что принадлежу. И обеднение не вследствие роскоши – это бы ничего; прожить по-барски – это дворянское дело, это только дворяне умеют... Барин ничего не делает, мужик работает и вытесняет праздного человека... И я очень рад мужику. Но мне обидно смотреть на это обеднение по какой-то ...невинности». [Толстой Л.Н. Анна Каренина. I, 17]. Недаром, анализируя деятельность земских начальников (выбравшихся, как известно, из дворян), правительство констатировало, что главный «их порок лень и безразличие»²⁵.

В то же время разорившиеся и разоряющиеся дворяне встречаются и в начале XIX в.: отец Онегина, старый граф Ростов, Муромский и т.д. Им на смену приходят гоголевские персонажи (Хлобуев, Петух из второго тома «Мёртвых душ»). Тургенев, описывая в повести «Бригадир», действие которого происходит около 1830 г., пишет, что «разоренные дворяне и в то время не считались редкостью» [Тургенев И.С. Бригадир. 6]. Значит, причину разорения дворянства следует искать не только в развитии капитализма пореформенной России: Великие реформы *ускорили*, но не *предопределили* разорение дворянства. Причины потери дворянством своего экономического положения и, в конечном счёте, уход с общественно-политической сцены, следует искать глубже.

Русские писатели показали, что русскому человеку нужны определённые рамки, диктующие его жизнь. Так, по мнению Пьера Безухова, для крестьянина труд физический – неперемное условие существования. Смягчение его труда приводит к развращению. Пушкин о постепенном разорении автора повестей Белкина пишет: «Иван Петрович, по причине своей неопытности и мягкосердия, в скором времени запустил хозяйство и ослабил строгий порядок, заведенный покойным его родителем... Иван Петрович принужден был отменить барщину и учредить весьма умеренный оброк; но и тут крестьяне, пользуясь его слабостию, на первый год

²⁵ Соловьев, 1973. С. 191

выпросили себе нарочитую льготу, а в следующие более двух третей obroка платили орехами, брусникою и тому подобным; и тут были недоимки». Автор называет такую позицию «пагубным нерадением». Гоголевский помещик Тентетников «уменьшил барщину, убавил дни работы на себя, ... и думал, что теперь дела пойдут наиотличнейшим образом». Но вскоре он стал замечать, что «на господской земле всё всходило как-то хуже, чем на мужичьей: сеялось раньше, всходило позже... Ещё трудней ему было ладить с бабами. То и дело отпрашивались они от работ, жалуясь на тягость барщины. Странное дело! Он уничтожил вовсе всякие приносы холста, ягод, грибов и орехов, думая, что бабы оборотят это время на домашнее хозяйство, обошьют, оденут своих мужей, умножат огороды. Не тут-то было! Праздность, драка, сплетни...» [*Гоголь Н.В. Мертвые души. Т. II, 1*]. Образцовый хозяин Костанжогло прямо связывает упадок имения Хлобуева с тем, что он развратил крестьянина праздностью: «Довёл мужика до какой бедности! ... И мужик изленился, и загулял, и стал пьяница» (*Гоголь Н.В. Мертвые души. Т. II, 4*). Видимо, после того, как служба для благородного сословия перестала быть обязанностью, и инерция старого дворянского кодекса остановилась, дворянство, как и крепостной, слишком изнеженный мягким хозяином, «разленилось». Только служба и сдерживает представителей дворянства от окончательной социальной деградации. Ведь успешные помещики, которые встречаются в русской литературе, – это либо служилые (Адуев старший) или отставные («старый помещик» из «Анны Карениной») дворяне, либо те, кто относится к ведению хозяйства как к службе (Костанжогло, Левин).

Перед нами очевидная взаимосвязь субъективных качеств (праздность конкретных дворян) и объективных процессов (деклассирование дворянского сословия в целом). Изначально дворянство своим экономическим положением было обязано, в первую очередь, службе (связанной нередко с риском жизни, с проявлением воинских доблестей²⁶); перестав же быть служилым сословием, оно лишилось и экономической мощи, и позиций в культурной и политической сфере. Напрашивается каламбур, что их «благородная праздность» сменилась «неблагородной». Художественная литература, в силу своей образности, показывает рассматриваемый процесс лучше других памятников прошлого. Видимо, эту особенность (показывать связь субъективных и объективных факторов) следует считать отличительной чертой литературных произведений как исторических источников.

²⁶ Гуревич, 1990. С. 131

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берлин П.А.* Буржуазия в русской художественной литературе // Новая жизнь, М., 1913. №1.
- В Комиссию о пользах и нуждах Общественных при Московской Городской Думе: доклад председателя комиссии И.Н. Мамонтова по вопросу о передаче в ведение Московского Городского управления дела разбора и призрения нищих в Москве и об организации благотворения в Москве Городским Общественным Управлением. 3 ноября 1887г. М., 1887.
- Гуревич А.Я.* Средневековый купец // Одиссей. 1990.
- Дворянские роды Российской империи. Т. II 1995.
- Добин Е.С.* История девяти сюжетов. М., 1990.
- Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978.
- Зарубина Н.Н.* Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX вв. // Общественные науки и современность. 2003. № 1.
- Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1881. М., 1898.
- Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.
- Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.
- Левандовская А.А., Левандовский А.А.* «Тёмное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // ОИ. 2002. № 1.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб., 2002.
- Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб., 2003.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. СПб., 1999.
- Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в императорской России. М., 2010.
- Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. М., 2008.
- Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
- Пименов В.В.* Москва в русской литературе XIX в.: этнографические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 4;
- Соловьёв Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. М., 1973.
- Старыгина Н.Н.* Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов. М., 2003;
- Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М.: Наука, 1974;
- Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, Наука, 2001.
- Цимбаева Е.Н.* Исторический анализ литературного текста. М., 2005.
- Яблочков М.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876.

Богданов Владимир Павлович, старший научный сотрудник Лаборатории истории культуры Исторического фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; vpbogdanov@gmail.com